

«Самоцензура» и цензура

Одной из причин изменения текста была внутренняя «цензура», которой подвергал свой текст или текст переписываемого им автора древнерусский книжник. Он мог сомневаться в допустимости того или иного высказывания или целого рассказа, мог испугаться преследований или осуждения со стороны власть имеющих лиц и пропустить неподходящее место. Правда, таких случаев цензурирования своего собственного или переписываемого текста в Древней Руси было значительно меньше, чем в новое время, но они все же были. Яркий пример на основе разысканий А. А. Шахматова привел в своей книге «Из лекций по дипломатике» Н. П. Лихачев¹. Пример этот весьма курьезен. У Е. Е. Голубинского в «Истории канонизации святых в русской церкви»² имеется указание на следующего святого: «Иоанн Сухой, Ярославский, неизвестно когда живший до второй половины XV века». Сведения об этом «святом» заимствованы почтенным историком русской церкви из некоторых общерусских летописей, где под 1463 г. читается следующее: «В граде Ярославле при княжении Александра Федоровича, у святого Спаса в монастыре, явишася чудотворци Федор Ростиславичь Смоленский с детми, почяло от гроба их людей прощати много. А князем ярославским прощание же доспелося со всеми вотчинами, отдавали их великому князю Ивану Васильевичю, а печалованием из старины Олексеевым Полуехтовича диака великого князя. И после того у них Иван Сухой чудеса творити почял по всей Ярославской вотчине»³.

То же известие читается и в некоторых других летописях, но известие это оказывается сокращенным вследствие самоцензуры писца. В Ермолинской летописи, представляющей собою летопись, оппозиционную княжеской власти⁴, это известие в полном виде представляет следующую любопытную картину: «Во граде Ярославли, при князи Александре Федоровиче Ярославском, у святого Спаса в монастыри во общине авися чудотворець, князь велики Феодор Ростиславичь Смоленский, и з детми, со князем Костянтином и з Давидом, и почало от их гроба прощати множество людей безчисленно; сии бо чудотворци явишася не на добро всем князем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села; а из старины печаловался о них князю великому старому Алекси Полуектовичь, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А после того в том же граде Ярославли явися новый чудотворець, Иоанн Огафоновичь Сущей, созиратай Ярославской земли: у кого село добро, ин

¹ Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. СПб., 1905–1906. С. 14.

² Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 580.

³ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848. С. 148–149.

⁴ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 159–163.

отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя ю, а кто будет сам добр, боярин или сын боярьской, ин его самого записал; а иных его чудес множество не мощно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшос»¹. Последнее слово написано тайнописью (так называемой «простой литореею») и означает «дьявол». Вот, следовательно, какого чудотворца записал Е. Е. Голубинский в списки русских святых. Произошло это потому, что поздний летописец подвергал такой жесткой цензуре предшествующий текст, что смысл его не мог понять и весьма скептический Е. Е. Голубинский. То, что перед нами не простое сокращение текста, а именно его цензура, ясно, я думаю, и без особых объяснений: иронический смысл остался, но запрятан он очень глубоко.

Другой случай и другой тип цензуры может быть указан в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1332 г. Здесь читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра закамьского, и в том вся Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» написаны по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтений других списков Новгородской первой летописи, в ней стояли слова: «через крестное целование»². Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования, москвич же «цензор», в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Весьма возможно, что тот же москвич оторвал в Синодальном списке первые 15 тетрадей, где находились новгородские предания о начале Новгорода и Русского государства и знаменитые Ярославовы грамоты, которыми новгородцы обосновывали свою независимость³.

Работа писца по нескольким оригиналам

Было время, когда текстологи считали, что у писца рукописи был перед глазами только один оригинал, что писец переписывал его «не думая», не сличая с другими рукописями и не производя никакой его проверки. А. А. Шахматов практически в своей работе над текстами летописей опроверг это мнение. Однако уже после смерти А. А. Шахматова С. А. Бугославский, критикуя текстологическое исследование А. А. Шахматова «Повести временных лет»,

¹ Ермолинская летопись. — ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910. С. 157–158. — Возможно, что слова «Иоанн Огафоновичь Сушей, созиратай Ярославьской земли» следует читать так: «Иоанн Огафоновичь, сушей созиратай Ярославьской земли».

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 99.

³ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948. С. 264–265.